

ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ДРЕВНЕГО КУРСКА

© 2011 О. Н. Енукова

*канд. ист. наук,
ведущий научный сотрудник НИИ археологии юго-востока Руси
e-mail: o.enukowa@yandex.ru*

Курский государственный университет

Статья посвящена анализу предметов ювелирного ремесла, полученных в ходе археологических исследований культурного слоя древнего Курска. Коллекция представлена украшениями, принадлежностями костюма и предметами личного благочестия в виде нательных крестов, а также дробницы, украшенной перегородчатой эмалью.

Ключевые слова: древний Курск, ювелирные изделия, украшения, детали костюма, предметы личного благочестия

Немногим более двух десятков лет назад, когда среди специалистов постепенно укоренялось мнение о том, что исторический культурный слой Курска практически полностью уничтожен поздней застройкой, экспедиция Курского государственного университета приступила к исследованиям города, древность которого в целом никаких сомнений не вызывала. Как оказалось, культурный слой действительно серьезно пострадал, а на мысе при впадении Кура в Тускарь, в пределах территории завода «Электроаппарат» практически уничтожен. Тем не менее были выявлены и стационарно изучены участки сохранившихся напластований, что позволило не только определить пределы детинца, верхнего и нижнего посадов, но и проследить динамику их становления и развития [Енуков 1998; 2008а]. На сегодняшний день экспедицией КГУ исследовано 1118 кв. м древних напластований [Енуков, Енукова 2008], получена представительная коллекция самых разнообразных находок, среди которых несколько неожиданно оказалось относительно мало предметов ювелирного ремесла. Их анализу, а также попытке объяснения факта их немногочисленности посвящена настоящая работа.

Всего было найдено 25 изделий из цветных металлов. Они представлены украшениями, принадлежностями костюма и предметами личного благочестия в виде нательных крестов, а также дробницы, украшенной перегородчатой эмалью (табл.).

Изделия ювелирного ремесла из Курска**

№ рис.	№/ №	Наименование	Паспортные данные	Материал
1	2	3	4	5
1	1	Кольцо височное перстнеобразное с несомкнутыми концами	Р-6 (2002), У. 2, я. 20, №229	Бронза
	2	Кольцо височное перстнеобразное с заходящими концами	КРОМ (1997), я.5, №6	Бронза
	3	Кольцо височное перстнеобразное	Р-6 (2002), У.1, погр., №106	Бронза
	4	Кольцо височное перстнеобразное с заходящими концами	Р-6 (2002), У.1, погр., №108	Серебро
	5	Кольцо височное бусинное	Р-3 (1995), пл.4, №163	Бронза

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Курск в конце X–XIII вв. по материалам археологии», проект № 09-01-72105а/д.

1	2	3	4	5
	6	Колт, орнаментированный перегородчатой эмалью	P-4 (1999), пл.2, №57	Бронза, эмаль
	7	Перстень ложновитой	P-6 (2002), У.2, я.1, сл.2, №142	Бронза
	8	Перстень круглодротовый с заходящими концами	P-3 (1995), пл.4, №155	Бронза
	9	Перстень ложновитой с несомкнутыми концами	P-3 (1995), пл.4, №114	Бронза
	10	Бубенчик грушевидный крестопрорезной	P-2 (1994), настил 3, №49	Бронза
	11	Бубенчика шаровидного со щелевидной прорезью часть	P-4 (1995), пл.1, №19	Бронза
	12	Бубенчик шаровидный со щелевидной прорезью	P-4 (1995), пл.1, №2	Бронза
	13	Накладка ажурная	P-3 (1995), пл.3, №97	Бронза
	14	Пуговица, орнаментированная выемчатой эмалью	P-3 (1995), пл.3, №45	Бронза, эмаль
	15	Фибулы подковообразной с конусовидными головками на концах часть	P-6 (2002), У.2, я.21, пл.4, №292	Бронза
	16	Фибула подковообразная загнутоконечная, треугольная в сечении	P-6 (2002), У.2, я.25, пл.4, №268	Бронза
	17	Фибула подковообразная загнутоконечная, треугольная в сечении	P-6 (2002), У.2, я.1А, сл.3, №245	Бронза
	18	Браслет дротовый, сегментовидный в сечении	P-2 (1994), пл.4, №46	Бронза
	19	Браслет пластинчатый загнутоконечный, орнаментированный насечками	P-3 (1995), пл.4, №179	Бронза
	20	Кольцо перстнеобразное височное	P-6 (2002), У.2, пл.+5, №303	Бронза
2	1	Крест нательный	P-3 (1995), пл.4, №135	Бронза
	2	Крест нательный, орнаментированный выемчатой эмалью	P-6 (2002), У.2, я. 21, пл.2, №96	Бронза, эмаль
	3	Крест нательный «скандинавского» типа	P-6 (2002), У.2, я. 21, пл.2, №179	Бронза
	4	Энколпион	P-2 (1994), пл.3, №32	Бронза
	5	Дробница, орнаментированная перегородчатой эмалью	P-6 (2002), У.2, я. 1Б, №131	Медь, бронза, эмаль

**** Коллекции находок хранятся в фондах Курского государственного областного музея археологии и НИИ археологии юго-востока Руси Курского государственного университета. В таблице использованы следующие сокращения: P-6 – номер раскопа, в скобках указан год исследований; КРОМ – раскоп в Курске на территории палат бояр Ромодановских; У.1 – номер участка; пл. 2 – номер пласта; сл. 1 – номер слоя; я.1 – номер объекта (ямы); погр. – погребение; №6 – номер находки**

Височные кольца представляли собой весьма характерное украшение славянских женщин. Входя в состав головного убора, они крепились в волосах или подвешивались на лентах и шнурах, а изредка продевались в мочку уха, превращаясь в серьги.

Височные кольца являются самой многочисленной категорией украшений в курской коллекции изделий из цветных металлов. Из 6 экземпляров 5 относятся к проволочным перстнеобразным. В двух случаях они имели заходящие концы (рис. 1: 2, 4), в одном случае – несомкнутые (рис. 1: 1). У двух находок этот признак неопределим: от одной сохранился только обломок (рис. 1: 2), а еще одно кольцо оказалось разогнутым (рис. 1: 20). Комплекс украшений дополняется находкой обломка бусинного узелкового височного кольца (рис. 1: 5).

Таким образом, подавляющее большинство колец относится к числу перстнеобразных. Эти изделия отличались исключительной простотой в изготовлении и имели самое широкое распространение как в территориальном, так и в хронологическом от-

ношениях. Подчеркнем, однако, что при всей своей невыразительности перстнеобразные височные кольца входят, по Е. А. Шинакову, в состав комплекса VI, который характеризуется как «общерусский» [Шинаков 1991: 87, 90]. На курских землях отдельные находки таких украшений известны в предшествующее время у населения роменской культуры [Енуков 2005: рис. 39: 2, 4, 5], что, вероятно, объясняется контактами с Русью, однако широкое распространение они получают только с конца X – начала XI в. Это отчетливо фиксируется по материалам могильников, в том числе и хорошо исследованных курганов в округе Курска у с. Липино [Енуков 2008б: 41–45]. Что касается обломка височного кольца с «узелковой» бусиной, то эти украшения, по мнению М.В. Седовой, являются типично городскими женскими украшениями [Седова 1981: 14].

Представляет интерес, в том числе и с позиций хронологии, обстоятельства находки двух перстнеобразных колец. В ходе работ на раскопе 6 был обнаружен уничтоженный пожаром жилой дом, в котором погибла девочка. На ее висках размещались два височных кольца из бронзы и серебра (рис. 1: 3, 4). Постройка надежно датируется концом X – началом XI вв. [Енукова 2007: 73]. В двух случаях перстнеобразные височные кольца были найдены в хозяйственных сооружениях середины (рис. 1: 2) и 2-й половины (рис. 1: 1) XII столетия. Наконец, одно перстнеобразное и одно узелковое височные кольца были обнаружены вне объектов, в культурных напластованиях XII–XIII в. (рис. 1: 5, 11). Таким образом, хронологическое распределение курских находок соответствует уже имеющейся в историографии картине. Наблюдается, правда, некоторое их тяготение к XII–XIII вв., что, однако, может быть случайностью ввиду незначительности выборки. Последнее подтверждается тем фактом, что в курганах у д. Липино, большая часть погребений которых относится к XI в., перстнеобразные височные кольца являются практически обязательным атрибутом комплекса женских украшений.

Колты входили в состав головного убора. Их крепили на уровне виска на сложенной вдвое цепочке или ленте. По русскимкладам широко известны находки таких полых внутри украшений из драгоценных металлов, орнаментированных перегородчатой эмалью, чернью и зернью. Традиция ношения колтов прерывается сразу после татаро-монгольского нашествия [Рябцева 2005: 198]. Отметим, что с конца XII в. распространяется их вариант, изготовлявшийся с использованием заметно упрощенных технологических приемов [Седова 1981: 18–21]. Именно такого рода находка была сделана в Курске, причем обстоятельства ее выпадения в землю полностью подтверждает утвердившуюся хронологию: украшение было обнаружено в пожарничной прослойке, связанной с разгромом монголами Курска, который, согласно последним изысканиям, приходится на 1239 г. [Енуков 2006: 6].

Бронзовый колт, с одной стороны декорированный перегородчатой эмалью, сильно пострадал от огня (рис. 1: 6). Представление, как о его облике, так и характере изображения, стало возможным получить только при помощи микроскопа. Основа украшения состояла из бронзовой болванки, которая была облицована двумя тонкими бронзовыми пластинами. Последние имели бортики и «входили» друг в друга. В верхней части изделия присутствуют два плавных выступа, соединенные дужкой. На «крышке», игравшей роль лицевой стороны, был прорезан рисунок. К получившемуся мелкому, на толщину облицовки, бортику были припаяны узкие полоски бронзы, образовавшие перегородки. Эмали, заполнявшие выемки, из-за воздействия высокой температуры сохранились плохо, однако цветовая гамма рисунка была в основном восстановлена. На колте изображена водоплавающая птица – лебедь или утка. Головка была залита эмалью белого цвета, от глаза осталось только углубление. Изогнутая шейка птицы выделялась синей эмалью. Тело образовывали три полоски: верхняя – белая, средняя – красная и нижняя – синяя. По бокам птицы располагались два симметричных красных глазка с белым окаймлением.

Формирование образа водоплавающей птицы связано с языческим мировоззрением и отражает один из вариантов средневековой космогонической легенды о сотворении мира. По первичному океану плавала утка, которая нырнула на дно, достала комочек земли, из которого возникла суша и все живое на ней. Несмотря на языческие корни, этот сюжет нередко использовался при изготовлении украшений и во времена господства христианства [Рыбаков 1988: 587].

Перстни (рис. 1: 7–9). Все изделия выполнены из бронзы. Два перстня относятся к типу ложновитых, один – к типу круглодротовых с заходящими концами. Такие украшения, изготовленные путем литья, имели самое широкое распространение на территории Руси в XI–XIII вв. [Седова 1981: 122–123], что подтверждается и курскими материалами. Обломок ложновитого перстня был найден в жилище 1-й половины XI в. (рис. 1: 7), целый экземпляр того же типа (рис. 1: 9), а также круглодротовый перстень (рис. 1: 8) – в культурном слое XII–XIII вв.

Браслеты представлены двумя экземплярами, выполненными из бронзы. От одного, относящегося к типу дротовых, сегментовидных в сечении, сохранился только обломок, конец которого был обрублен (рис. 1: 18). Такие украшения хорошо известны в южнорусских кладах XI–XII вв. [Левашева 1967: 214]. В Курске браслет был найден в заполнении между 1 и 2-м настилами дороги, проходящей по дну рва укреплений, что позволяет датировать находку 2-й третью XII в. [Енуков 1998: 88].

Второй браслет относится к типу пластинчатых загнутоконечных (рис. 1: 19). Один его конец был свернут в трубочку, второй не сохранился, но, вероятнее всего, имел аналогичное завершение. Поверхность браслета украшена процарапанным орнаментом в виде косой решетки. Подобные изделия имели широкое хождение в XI–XIII вв. [Левашева 1967: 236], при этом пик их распространения, судя по новгородским материалам, приходится на конец XII – конец XIII вв. [Седова 1981: 113]. В Курске пластинчатый браслет был обнаружен в напластованиях XII–XIII вв.

К деталям костюма относятся бубенчики, ажурная накладка, пуговица и фибулы.

Бубенчики были довольно распространенным элементом костюма и использовались как привески или пуговицы. Бронзовый грушевидный бубенчик с крестообразной прорезью (рис. 1: 10) залегал внутри прослойки настила 3 дороги по дну рва укреплений и датируется в пределах начала – 1-ой трети XII в. [Енуков 1998: 89]. Достаточно традиционно считалось, что эти изделия, появившись в X в., доживают до начала XII в. [Мальм, Фехнер 1967: 136; Колчин 1982: 170. Рис. 8]. М. В. Седова на основе материалов Великого Новгорода подняла верхний предел их бытования до середины XII в. [Седова 1981: 156], однако в дальнейшем Ю. М. Лесман подтвердил устоявшуюся датировку (до 1116 г.), несколько скорректировав ее с учетом комплексов всей Новгородской земли (до 1134 г.) [Лесман 1988: 60]. Таким образом, курская находка вполне соответствует устоявшейся хронологии.

Два шаровидных бубенчика со щелевидной прорезью, украшенные пояском из концентрических линий (рис. 1: 11, 12), относятся к типу, который получает распространение позднее. Появившись в конце XI в., эти предметы использовались вплоть до XIII в. [Мальм, Фехнер 1967: 137; Седова 1981: 156]. Курские находки имеют узкие хронологические привязки. Один бубенчик (рис. 1: 12) был найден в пожарищной прослойке, связанной с монгольским нашествием, фрагмент второго (рис. 1: 11) – в самой непосредственной близости от нее, что позволяет отнести время выпадения их в землю к 1239 г.

Ажурная накладка (рис. 1: 13), которая, не исключено, играла роль пуговицы, была выполнена, судя по всему, в технике чеканки, которая применялась в изделиях, ориентированных на горожан [История и культура Древней Руси 1948: 122]. Основу

украшения составляет «витое» кольцо. От центра, где располагается небольшой выступ в виде шарового сегмента, отходят три листовидных язычка, которые были соединены орнаментированными полушариями. находка, не имеющая точных аналогий, была обнаружена в слое XII–XIII вв.

Пуговица с выемчатой эмалью, которая, к сожалению, полностью обсыпалась (рис. 1: 14), залегала, как и предыдущая находка, в напластованиях XII–XIII вв. Узор представлял собой крест из узких клиньев с криновидными изображениями между ними. Практически идентичное изделие было обнаружено в Новгороде, где датируется самым концом XI в. В отличие от курской находки у новгородской отсутствовало ушко, что позволило М.В. Седовой интерпретировать ее как накладку. Аналогии этим изделиям известны как в городах Руси, так и за ее пределами [Седова 1981: 159. Рис. 80, 21]. Отметим, что в ближайшей округе Курска при исследовании археологического комплекса около д. Липино, который в XII в. превращается в небольшой русский город, в жилой застройке 1-й половины – середины XII в. была найдена близкая по узору пуговица с выемчатой эмалью и позолотой [Енукова 2000: 12. Рис. 47: 11].

Фибулы, игравшие роль застежек, входили в состав как мужского костюма, так и женского. Все три находки из Курска относятся к отделу подковообразных. Красочностью отличается обломок фибулы с конусовидными головками на концах (рис. 1: 15). Дуга изделия имеет выпукло-вогнутое поперечное сечение и украшена рельефным узором растительного характера. В славяно-русских древностях такие застежки известны с конца X столетия по XII в. включительно [Мальм 1967: 164. Рис. 22: 9; Седова 1981: 89]. В Курске фибула была найдена в сооружении конца X – начала XI в.

Две фибулы относятся к типу загнутоконечных дротовых треугольного сечения (рис. 1: 16, 17). Эти изделия имели самое широкое распространение в X–XIII вв. [Мальм 1967: 153], причем в Великом Новгороде их основная масса встречена в слоях X–XI вв. [Седова 1981: 86]. В Курске одна фибула была обнаружена в котловане постройки конца X – начале XI в., который после окончания использования сооружения какое-то время служил в качестве мусорной ямы, что позволяет отнести находку к 1-й половине XI в. Вторая фибула обнаружена в заполнении припечной ямы жилища, которое также датируется 1-й половиной XI столетия [Енукова 2007: 71]. Таким образом, обе застежки попали в землю примерно в одно время.

К предметам личного благочестия относятся нательные кресты, энколпион и дробница.

Кресты-тельники, призванные обозначить причастность верующего к церкви и одновременно несущие защитно-охранительную функцию, представлены тремя разнотипными находками. Бронзовый крестик, обнаруженный в слое XII–XIII вв., имел трехчастные завершения концов и дисковидное уплощенное средокрестие (рис. 2: 1). Находки близкого облика были широко распространены в быту древнерусского населения.

Два крестика были найдены в застройке 1-й половины XI в. Двусторонний крест с выемчатой эмалью имеет дисковидные концы и дисковидное перекрестие, которое на одной плоскости дополнялось изображением креста (рис. 2: 2). Эмалевая заливка со стороны, имевшей крест в центре, была желтого цвета, с противоположной стороны – зеленого. Изготовление таких предметов было налажено на Киевщине еще в XI в., а расцвет их производства приходится на XII в. [Мальм 1968: 117; Мусин 2002: 180]. Второй крестик относится к так называемому «скандинавскому» типу (рис. 2: 3). Это равноконечный крест с рельефным орнаментом на лицевой стороне, выполненный в технике литья. Расширенные концы его перекадин украшены тремя выпуклыми дисками, а средокрестие имеет узор, состоящий из концентрических кругов. Появление данного типа крестов относится к X – началу XI в., однако большинство из них датиру-

ется концом XI – началом XII столетия [Фехнер 1968: 212, 213; Мусин 2002: 180]. Таким образом, обе находки относятся к начальному этапу распространения такого рода изделий.

Энколпионы выполняли функции, аналогичные нательным крестам, однако отличались от них двухсоставной конструкцией с полостью внутри для помещений реликвий. Курская находка отличалась заметной затертостью, ее нижние петли частично утрачены (рис. 2: 4). На обеих створках присутствуют рельефные изображения. На одной стороне изображено Распятие с хорошо «читаемым» гвоздем у ног, на другой – Богоматерь. При реставрации внутри ковчежка были обнаружены остатки веточки растения. По типологии, разработанной Г. Ф. Корзухиной и А. А. Песковой, находка относится к группе III малых рельефно-черневых крестов. Они появляются между началом и серединой XII столетия и выходят из обихода на рубеже XII–XIII вв. [Корзухина, Пескова 2003: 26, 30, 31]. Курский энколпион был найден около рва укреплений в напластованиях, которые сформировались к середине – 2-й пол. XII в. [Енуков 1998: 88].

Дробница, несомненно, относится к числу уникальных находок курской коллекции предметов из цветных металлов. В церковном ювелирном деле дробницами в виде пластин с отверстиями для крепления украшались богослужебные книги, иконы, парадные облачения духовенства. Найдена из Курска сохранилась в нескольких обломках, по которым, однако, можно составить полное представление об изначальном облике вставки (рис. 3: 5–7). Ее основа представляет собой тонкую (менее 0,5 мм) медную пластину, имевшую размеры 58 x 58 мм. По ее углам имеются врезки глубиной в 5 мм, придающие изделию крестообразное очертание. С внутренней стороны по внешнему контуру основы проходит бортик высотой 10 мм. В центре пластины располагается отверстие, причем с внутренней стороны дробницы оно проходит через специально припаянную «платформу» 10 x 12 мм и высотой 3 мм, которая заметно повышает надежность крепления.

На лицевую сторону, что хорошо прослеживается в изломе, напаяна тонкая медная пластина, на которой и было выполнено изображение. В левом верхнем углу лицевой стороны дробницы, где не сохранилась эмаль, прослеживаются кусочки золотой фольги, приклеенные на основу, причем их форма полностью повторяет эмалевый узор. На «свободные» от фольги участки была напаяна бронзовая проволока, в результате чего образовались выемки для заливки эмалью. Кроме того, бортик с внешней стороны был облицован тонкой бронзовой платиной.

Рисунок на дробнице имеет четырехчастную композицию, в основе которой лежит равноконечный крест, залитый белой эмалью. Концы креста заканчиваются «ростками». В средокрестии располагаются две окружности: внутренняя – голубого цвета и внешняя – синего, причем в центре сохранилась шляпка бронзового гвоздика крепления. Фоном для повторяющегося орнамента в секторах между перекладами креста служит эмаль бирюзового цвета. Около средокрестия располагаются чуть открытые семена красного цвета, из которых прорастают два голубых листочка, увенчанные трехлепестковым синим цветком. По периметру дробницы расположено по шесть мелких окружностей красного цвета. По верхнему краю дробницы прослеживаются незначительные вкрапления золотых блесток, что, вероятно, соотносится со следами позолоты.

Итак, в основе композиции был греческий крест, для которого характерна равновеликость, что указывает на гармонию небесного и земного мира. Равносторонний крест выступает и как знаменье Креста Господня, догматически означающее, что к Кресту Христову равно призываются все концы вселенной – четыре стороны света [Уваров 1908: 76]. Крест в языческих представлениях – символ жизни, который про-

изошел от солярного знака, воплощающего движение Солнца по небесной сфере. Окружность означает годовой путь Земли вокруг Солнца. Ростки, отходящие от средокрестия, являются устойчивой идеограммой, символизирующей начало новой жизни или воскресение. Под ростками изображены прорастающие зерна, а по периметру – округлые семена. Таким образом, система отражает три времени: прошлое (посеянные в землю семена и проросшие всходы), настоящее (срединный цветок) и будущее – опыляемое растение как залог продолжения жизненного цикла [Рыбаков 1998: 613]. Композиция на дробнице свидетельствует о том, что этот орнамент, отражая магическую символику, переосмысливается под воздействием христианства.

Прямых аналогий дробница из Курска не имеет. Традиционно начало работы русских эмальерных мастерских, в которых использовались технические приемы греческих мастеров, относится ко 2-й половине XI в. [Древняя Русь. Быт и культура 1997: 57]. Курское украшение выпадает из этой хронологии, так как было обнаружено в застройке, которая прекратила свое существование в пределах конца X – начала XI в. Правда, нельзя полностью исключать ситуацию, когда дробница попала в объект из более поздних напластований, так как сверху к заполнению сооружения почти вплотную подходил перекоп. Если же предмет все-таки был связан непосредственно с постройкой, то неизбежно встает вопрос о византийском происхождении изделия. Однако византийские эмали всегда выполнялись на золоте, а древнерусские мастера, помимо золота, использовали серебро, медь и бронзу. В нашем случае основу украшения составляли медь и бронза. Близка русской школе и цветовая гамма, для которой характерен резкий синий цвет, а также обязательное присутствие красно-бордового и белого. Как дополнительные цвета использовались бирюзовый, голубовато-пепельный, зеленый, желтый, черный и коричневый. Одним из специфических киевских признаков является приблизительно одинаковая пропорция эмалей разных цветов, чем достигалась пестрота узора [Мальм, Плетнева 1968: 99; 104; Древняя Русь. Быт и культура 1997: 57, рис. 10]. Цвета в курской дробнице распределялись следующим образом: красный цвет – 23%; синий – 12%; голубой – 14%; белый – 15%; бирюзовый – 36%. Если учесть близость синего и голубого цветов, то из общего контекста выпадает только белый. Не исключено, однако, что это не случайно, так как им был окрашен центральный элемент изображения – крест, чем, вполне вероятно, подчеркивалась его особая значимость. Таким образом, технические приемы и гамма цветов указывают на принадлежность курской находки к числу изделий русской эмальерной школы, что является аргументом в пользу его случайного попадания в раннее строение.

В заключение остановимся на вопросе о малочисленности находок ювелирных изделий в Курске, ответ на который пока можно дать только на уровне гипотезы. Особенно удивительным выглядит этот факт на фоне находок, связанных с ювелирным ремеслом: формочка из розового шифера для отливки нательных крестиков, бус и подвесок, обломки тиглей. Малое количество предметов из цветных металлов особенно диссонирует с украшениями из стекла: в ходе исследований экспедиции КГУ было найдено в общей сложности 370 браслетов. Интересно, что в IX–X столетии через курские земли шел мощный поток арабского серебра [Фомин 1988], причем часть дирхемов использовалась как сырье для изготовления украшений [Орлов 1994]. Однако установление в Курске и его округе власти киевских князей в конце X в. фактически совпало с изменением направлений товаропотоков: при практически полном прекращении ввоза серебра из халифатов начинается импорт западноевропейской монеты, объем которого был намного меньше [Янин 1956: 153]. В условиях повышенного спроса на драгоценные металлы Курск по сравнению с другими городами, вполне вероятно, оказался в проигрыше, так как располагался на юго-восточном порубежье Руси, в одном из самых

удаленных от западных границ регионе, что не могло не сказаться отрицательным образом на поступлении сырья для ювелирного ремесла.

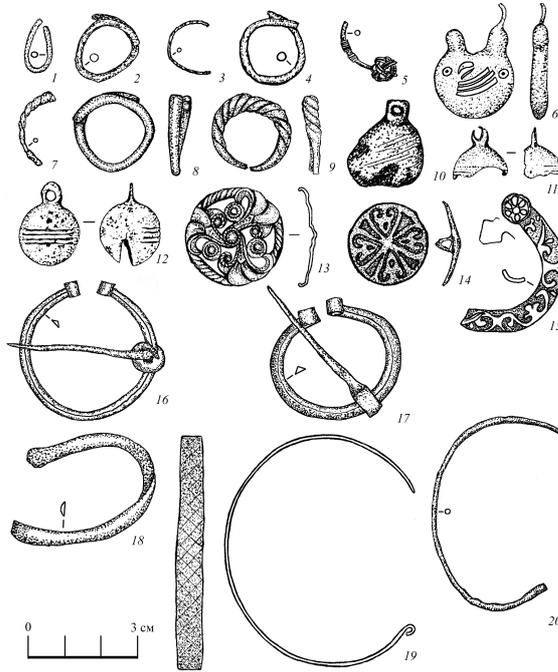

Рис. 1. Украшения и принадлежности костюма
 1-5, 20 - височные кольца; 6 - колт; 7-9 - перстни; 10-12 - бубенчики;
 13 - ажурная накладка; 14 - пуговка; 15-17 - фибулы; 18, 19 - браслеты.
 4 - серебро; 6 - бронза, эмаль; 1-3, 7-20 - бронза.

Рисунок 1

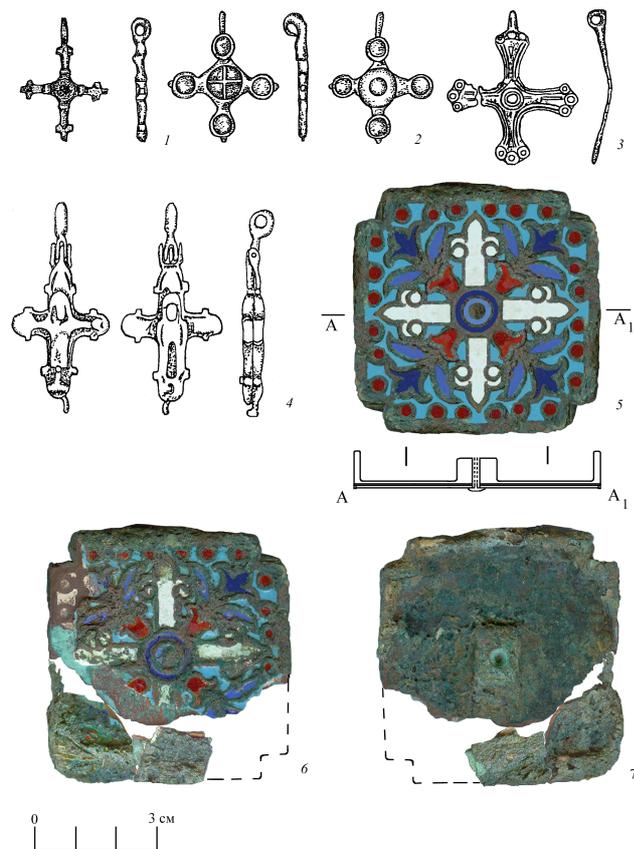

Рис. 2. Предметы личного благочестия и дробница
 1 - крест натальный; 2 - крест натальный с эмалью; 3 - крест "скандинавского" типа;
 4 - энколпион; 5 - компьютерная реконструкция дробницы; 6 - лицевая сторона дробницы; 7 - оборотная сторона дробницы. 1-4 - бронза; 5 - бронза, эмаль.

Рисунок 2

Библиографический список

- Археология. Древняя Русь. Быт и культура.* М., 1997.
- Енуков В. В. О топографии Курска в древнерусское время // Историческая археология: традиции и перспективы: К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М., 1998.
- Енуков В. В. «Курские области» и Орда // Актуальные проблемы научного творчества кафедры истории России: сб. науч. ст. Вып. 3. Курск, 2006.
- Енуков В. В. Возникновение древнерусского Курска в контексте историко-археолого-нумизматических реалий региона // Древности эпохи Средневековья Евразийской лесостепи: сб. науч. тр. Воронеж, 2008а.
- Енуков В. В. Липинские курганы в контексте вопроса о «роменских» ингумациях // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья: матер. конф., посвящен. 75-летию со дня рождения К. Ф. Сокола. Курск, 2008б.
- Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей: Курский край: научн.-популярн. серия: в 20 т. Т. 3. Курск, 2005.

- Енуков В. В., Енукова О. Н.* К 20-летию археологического изучения Курска // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. 2. М., 2008.
- Енукова О. Н.* Отчет о работах Посемьской экспедиции Курского государственного университета в 2003 г. / Архив НИИ археологии юго-востока Руси КГУ.
- Енукова О. Н.* Домостроительство населения междуречья Сейма и Пела в IX–XIII вв. / Труды НИИ археологии юго-востока Руси. Курск, 2007. Вып. 1.
- История и культура Древней Руси.* Т. 1. М.: Л., 1948.
- Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. М., 1982.
- Корзухина Г. Ф., Пескова А. А.* Древнерусские энколпионы: Кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб., 2003.
- Левашева В. П.* Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Труды Гос. исторического музея. Вып. 43. М., 1967.
- Лесман Ю. М.* Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Матер. по археологии Новгорода: 1988. М., 1990.
- Мальм В. А.* Крестики с эмалью // Славяне и Русь. М., 1968.
- Мальм В. А.* Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы / Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Труды Гос. исторического музея. Вып. 43. М., 1967.
- Мальм В. А., Плетнева С. А.* О центрах эмальерного дела Древней Руси / Славяне и Русь. М., 1968.
- Мальм В. А., Фехнер М. В.* Привески-бубенчики / Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Тр. Гос. исторического музея. Вып. 43. М., 1967.
- Мусин А. Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках: Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002.
- Орлов Р. С.* Серебряные украшения северян Курского Посемья // Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я: Матер. наукової конф-ції, присвяченої 900-річчю Вира-Білопілья. Білопілья, 1994.
- Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1988.
- Рябцева С. С.* Древнерусский ювелирный убор. СПб., 2005.
- Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.
- Уваров А. С.* Христианская символика. М., 1908.
- Фехнер М. В.* Крестовидные привески «скандинавского» типа // Славяне и Русь. М., 1968.
- Фомин А. В.* Топография куфических монет междуречья Днепра и Десны // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Киев, 1988.
- Шинаков Е. А.* «Восточные территории» Древней Руси в конце X – начале XIII в. (этнокультурный аспект) // Археология славянского Юго-Востока: материалы к межвуз. науч. конф. Воронеж, 1991.
- Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956.